Джеймс Фергюсон

Благими намерениями нефтяной компании: пространство, безопасность и глобальный капитал в неолиберальной Африке

В этой статье я попытаюсь определить ограничения представленной в книге Джеймса Скотта «Благими намерениями государства» модели, рассмотрев, насколько приведенный им критический аппарат для анализа неудач схем запланированного улучшения подходит для анализа современного мира глобального неолиберального капитализма. Скотт утверждает, что динамика стандартизации, гомогенизации и схематизаций применима не только к «государствам развития» («developmentalist states»), но и к современному миру «усеченных государств» («downsized states») и необузданным глобальным корпорациям. Я опровергаю это утверждение, прослеживая территориальное размещение недавних инвестиций в Африку и возникновение некоторых новых форм порядка и беспорядка, которые сопровождали это избирательное территориальное размещение капитала. Поскольку инвестирование проводилось преимущественно в добывающую промышленность, в частности, в добычу нефти, контраст между гомогенизирующей, стандартизирующей оптикой государства, которую анализировал Скотт, и другим, характерным для современной глобальной нефтяной компании способом видения будет более заметным.

Ключевые слова: Африка, капитал, пространство, корпорации, нефть.

Для меня большое удовольствие быть частью этого форума, посвященного работе одного из крупнейших антропологов — Джеймса Скотта, специалиста в области междисциплинарных исследований.

Джеймс Фергюсон — руководитель отдела антропологии Стенфордского университета, PhD (Гарвард, 1985), автор ряда исследований по антропологии стран южной Африки (Лесото, Замбия, ЮАР, Намибия).

Переведено с разрешения Американской антропологической ассоциации (оригинальный текст см. в: American Anthropologist, Volume 107, Issue 3, Pp. 377–382, September 2005.)

Скотт последовательно способствовал возникновению дискуссии в нашей дисциплине, сплетая различные эмпирические наблюдения в необыкновенно сильные синтетические образы. От «Моральной экономики крестьянина» к «Оружию слабых» и «Благим намерениям государства» работы Скотта не только отвечали на важные вопросы, но также открывали новые области исследований и давали богатый аналитический инструментарий для их продолжения.

Работы Скотта достигли такого влияния и междисциплинарного воздействия, какого антропологам редко удается достичь. Я думаю, что отчасти это связано с тем, что он решается (что антропологам обычно не свойственно) делать общие утверждения и широко применимые выводы. Ясность и сила аналитического видения Скотта позволяют легко применять его теоретические схемы для широкого спектра случаев; однажды узнав про «моральные экономики», «оружия слабых» или «государственные упрощения» мы склонны видеть их, куда бы мы ни смотрели. Эта широкая применимость является лучшим доказательством концептуальной силы и размаха теоретических рамок, которые разработал Скотт. Но она же ставит вопрос определения пределов применимости этих рамок.

Этот вопрос границ поднимается в связи с рассмотрением современных следствий из блестящего исследования Скотта, предложенного в его последней книге «Благими намерениями государства»[1]. Вопрос, который я хочу здесь поставить, касается того, в какой мере рассмотрение неудач схем планируемого улучшения развивающихся или социалистических государств предоставляет критический аппарат для анализа современного мира — мира, характеризуемого концом большинства государственных социализмов, глубоким скепсисом в отношении развития и доминированием идеологий «неолиберализма». Критические аналитики общества, как генералы, всегда рискуют, как они говорят, «готовиться к прошедшей войне». Как только критика сделала свое дело, часто становится очевидно, что поле борьбы теперь находится в другом месте, и опасности изменились. Необходимо новое исследование.

Тот ли это случай? Скотт открыто думает над возможностью этого во введении к «Благим намерениям государства». Он пишет:

«Уже закончив книгу, я понял, что изложенная в ней критика определенных форм государственного правления с позиций восторжествовавшего после 1989 года капитализма может показаться некой причудливой археологией. Государства с претензиями и вла-

1 На момент перевода последняя книга Джеймса Скотта — The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. Yale University Press, 2009. — Прим. перев.

стью, которые я критикую, либо вообще исчезли, либо резко сократили свои амбиции»[1].

Но он продолжает утверждать, что эти опасения неуместны, поскольку глобальный капитализм сейчас делает то, что модернизирующее государство развития однажды уже делало, только с большим размахом.

«Крупномасштабный капитализм — точно такое же средство гомогенизации, усреднения, схематизации и решительного упрощения, как и государство, с той разницей, однако, что для капиталиста упрощения обязаны окупаться. <...> Сегодня глобальный капитализм — возможно, наиболее мощная сила гомогенизации»[2].

Я хочу оспорить именно это утверждение, а не основную часть исследования Скотта (что вполне могло бы быть предметом отдельной статьи). Я обращаюсь к мельком упомянутому во введении к «Благим намерениям государства» утверждению, что внутренняя сила стандартизации, гомогенизации и схематизации, так убедительно определенная как неотъемлемая составляющая «государственного видения» равно хорошо применяется и к нашему современному миру «downsized states» (государств с уменьшенными возможностями) и необузданных глобальных корпораций. Это соблазнительное допущение аккуратно соединяет ранние работы о современных (modernist) развивающихся государствах с современной «локалистской» критикой корпоративной «глобализации», гомогенизирующей мир. С этой привычной точки зрения, глобализация — это процесс постоянно нарастающей рационализации, коммодификации и стандартизации. Является ли это сущностью интегрированных глобальных рынков, гомогенизированной глобальной культуры, разделяемых культурных норм или денационализированных пространств финансового капитала? Складывается картина, что не государство, но сама «глобализация» является агентом возрастающего обобщения, общемировой интеграции и стандартизации.

Проблема с таким смешением эпох заключается в том, что она предоставляет нам видение, в котором «развитие», «государство» и «глобализация» появляются просто как разные аспекты или периоды единого процесса. Если национальные государства развития осуществляли власть посредством стирания местных особенностей, то при таком понимании современная глобализация просто выводит это на другой уровень. Таким же образом, если развивающиеся государства однажды попытались создать национальные схемы

1 Цит. по: Скотт Дж. Благими намерениями государства: почему и как провалились проекты улучшений условий человеческой жизни, — М.: Университетская книга, 2005. С. 26.

2 Там же.

стандартизации и упрощения, то ту же самую гомогенизирующую операцию на «глобальном уровне» сегодня выполняют глобальные корпорации.

Здесь я оспариваю общее представление, что современный глобальный капитализм работает посредством фундаментального механизма гомогенизации и аналогичной схематизации/стандартизации пространства. Я также ставлю под сомнение связанное с этим предположение, что анализ, разработанный для того, чтобы сделать видимыми способы функционирования развивающихся государств, одинаково хорошо применим к современному миру «усеченных государств», пост-развивающихся государств и все более могущественных и необузданных глобальных корпораций. Я делаю это, рассматривая некоторые способы, какими было пространственно организовано недавнее инвестирование в Африку, и некоторые новые формы порядка и беспорядка, которые сопутствовали этой избирательной территориальной организации инвестиций. Поскольку недавние инвестиции в Африку делались преимущественно в добычу полезных ископаемых, особенно в нефть, контраст между гомогенизирующей, стандартизирующей оптикой, которая, как утверждал Скотт, была характерным способом «видения» государства развития и несколько иным способом видения, присущим современной глобальной нефтяной компании, будет очевиден.

Мы привыкли к образу Африки как континента, заброшенного глобальным капитализмом. Но это не совсем так. В действительности, в последние годы имела место значительная экспансия капиталовложений в Африку. Эти инвестиции пришли только в некоторые страны и делались в основном в сферу добычи полезных ископаемых. В очень трудное для большей части континента время в нескольких странах быстро росли горнодобывающая и нефтяная промышленности. Примечательна степень концентрации этих экономических инвестиций в защищенных анклавах, часто с небольшой или вовсе отсутствующей экономической выгодой для общества в целом. Значительных различий в том, как обеспечивается сохранность этих анклавов и как они управляются (или не управляются) государствами, имеющими номинальную юрисдикцию над ними, нет. Тем не менее, я здесь коротко обозначу некоторые модели, которые кажутся общими для ряда современных африканских случаев, в надежде на то, что «большая картина», нарисованная широкими мазками, поможет нам увидеть, насколько различаются между собой политико-экономическая логика поддерживаемого частным капиталом анклава и описанная Скоттом универсализирующая схема модернистского государства.

Самым чистым (и без сомнения самым привлекательным для иностранного инвестора) случаем создания анклавов по добыче по-

лезных ископаемых является нефтедобыча в открытом море в Анголе, где ни нефть, ни большая часть денег, которую она приносит, никогда не касается ангольской земли. Производя около одного миллиона баррелей нефти в день, эта страна является одним из мировых лидеров по экспорту нефти, и это количество планируется увеличить в течение нескольких следующих лет до двух миллионов баррелей в сутки, что значительно превышает объем текущей нефтедобычи в Кувейте. Ангольское правительство получает около 5 миллиардов долларов нефтяных доходов каждый год, и очень малая часть нефтяного богатства достигает общества в целом[1]. При этом практически вся добыча происходит в море (и в большей степени это глубоководные работы). Несмотря на почти 25 лет растущей нефтедобычи, ангольцы сегодня находятся среди наиболее безнадежно бедных людей на планете; более того, эта страна находится в самом низу рейтинга «человеческого развития» (161 место из 173 согласно Индексу развития человеческого потенциала ООН[2]). Эта отрасль импортирует практически все оборудование и материалы; кроме того, она трудоустраивает очень мало ангольцев, и в том, что касается квалифицированной рабочей силы, зависит от привезенных на условиях краткосрочных контрактов команд иностранных рабочих. Эти рабочие живут в провинции Кабинда на огороженных территориях, называемых Малонго, до сих пор окруженных минными полями, оставшимися с гражданской войны, которая разрушала страну с 1975 по 2002 гг. Прибывшие рабочие из аэропорта добираются до своих огороженных территорий на вертолетах, полностью минуя окружающий их город[3].

Все чаще такие территориальные анклавы, где происходит добыча полезных ископаемых, охраняются частными армиями и силами безопасности, как мы можем наблюдать сегодня, например, в Демократической республике Конго[4]. Действительно, возрастаю-

---

1 Gary I., Karl L. T. Bottom of the Barrel: Africa's Oil Boom and the Poor. Catholic Relief Services. Global Witness, 2003; A Crude Awakening: The Role of the Oil and Banking Industries in Angola's Civil War and the Plunder of State Assets. London: Global Witness, 1999; All the President's Men. London: Global Witness, 2002; Hodges T. Angola from Afro-Stalinism to Petro-Diamond Capitalism. Bloomington: Indiana University Press, 2001; Human Rights Watch. The Oil Diagnostic in Angola: An Update. New York: Human Rights Watch, 2001.

2 Gary I., Karl L. T. Bottom of the Barrel: Africa's Oil Boom and the Poor. Catholic Relief Services. Global Witness, 2003. P. 31.

3 Christian Aid. The Scorched Earth: Oil and War in Sudan. London: Christian Aid, 2001. P. 21.

4 Peleman J. Mining for Serious Trouble: Jean-Raymond Boulle and His Corporate Empire Project // Mercenaries: An African Security Dilemma. London: Pluto, 2000. P. 155–168; Reno W. How Sovereignty Matters: International Markets

щий уровень технологий и пространственной изоляции в анклавах индустрии по добыче полезных ископаемых делает горное дело (которое традиционно включало большое число «местных») все более похожим на добычу нефти (которая давно происходит в полностью изолированных условиях[1]). Пожалуй, наиболее жесткую форму исключения местного населения из добычи полезных ископаемых можно увидеть в Республике Судан, где нефтяные концессии действовали как существующие на «незаселенной земле» — земле, которую военизированные формирования, прогнавшие местных жителей, сделали незаселенной[2]. Но это только крайний случай обычной практики, в которой анклавы инвестиций в добычу полезных ископаемых тесно интегрированы со штаб-квартирами мультинациональных корпораций и центров метрополий, но абсолютно отгорожены от национальных обществ (часто буквально отгорожены — кирпичными стенами и колючей проволокой).

Необходимо отметить, что движение капитала, которое вызвано подобными предприятиями, «глобально» в том смысле, что оно пересекает земной шар, но не охватывает и не покрывает смежные географические пространства. Перемещение капитала происходит при пересечении национальные границы, прыгая с точки на точку и обходя стороной огромные зоны. Капитал не «течет» из Лондона в Кабинду; он перепрыгивает, аккуратно пропуская то, что находится между. Когда капитал инвестируется в пространственно разделенные анклавы по добыче полезных ископаемых, «поток» капитала не покрывает земной шар, он соединяет отдельные точки на нем.

Решающее значение для наших целей имеет то, что такие инвестиции практически не влекли за собой инвестиции в создание национальных «схем» понятности. Это контрастирует с ситуацией в позднеколониальный период и начальный период после обретения независимости в Африке, где за инвестициями в горнодобывающую отрасль часто следовали широкие социальные инвестиции. Например, в Замбии, в провинции Коппербелт развитие промышленности

---

and the Political Economy of Local Politics // Weak States. In Intervention and Transnationalism in Africa: Global — Local Networks of Power. New York: Cambridge University Press. 2001. P. 197–215; Singer P. W. Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003.

1 См. также: Ferguson J. Governing Extraction: New Spatializations of Order and Disorder in Neoliberal Africa. In Global Shadows: Essays on Africa in the Neoliberal World Order. Durham, NC: Duke University Press, 2006.

2 Christian Aid. The Scorched Earth: Oil and War in Sudan. London: Christian Aid, 2001.

по добыче меди повлекло за собой строительство многочисленных моногородов, структурированных вокруг одной-компании, для нескольких сотен тысяч рабочих, которые на тот момент были квалифицированы, объединены в профсоюзы, имели высокую зарплату и были политически сильны. Шахтерские города, классические примеры корпоративного патернализма колониальной эры, в конце концов, стали включать не только предоставляемые компанией жилье, школы и больницы, но даже социальных работников и места для отдыха и развлечений, такие как кинотеатры, спортивные клубы и домашние образовательные программы по превращению супруг рабочих в «домохозяек» и «современных матерей»[1]. Здесь горнодобывающий бизнес несмотря на всю свою, несомненно, эксплуататорскую природу включал в себя значительный, более широкий социальный проект.

Получение независимости в 1964 году и национализация 51% медной добычи в 1969 году сделала эту отрасль еще более тесно связанной с социальными и политическими нуждами национального масштаба. Государство нуждалось в поддержании политической базы в городах, и влиятельный Союз шахтеров Замбии был силой, которую нельзя было игнорировать. Зарплаты в городах резко выросли одновременно с тем, как образованные замбийцы начали занимать управленческие позиции в отрасли. Национализация 51% медных шахт в 1969 году, проводившаяся в рамках умеренно социалистической идеологии «гуманизма» тогдашнего президента Руанды, еще больше сплотила отрасль со всем обществом[2]. Когда, начиная с середины 1970-х, отрасль начала приходить в упадок, все формы социальных гарантий, которые старшее поколение рабочих помнит как достижения того периода — высокие зарплаты, хорошее социальное обеспечение, влиятельные профсоюзы и сильный контроль нации-государства над национальным благосостоянием — были определены сторонниками приватизации и неолиберальной реформы как «неэффективности» (inefficiencies), ответственные за упадок отрасли[3].

1 Ferguson J. Expectations of Modernity: Myths and Meanings of Urban Life on the Zambian Copperbelt. Berkeley: University of California Press, 1999.

2 Bates R. H. Unions, Parties, and Political Development: A Study of Mineworkers in Zambia. New Haven, CT: Yale University Press, 1971; Bates R. H. Rural Responses to Industrialization: A Study of Village Zambia. New Haven, CT: Yale University Press, 1976; Daniel P. Africanization, Nationalization, and Inequality: Mining Labour and the Copperbelt in Zambian Development. New York: Cambridge University Press, 1979.

3 Для более полного рассмотрения упадка промышленности, его причин и социальных последствий см. Ferguson J. Expectations of Modernity...

Нынешние формы инвестирования в добычу полезных ископаемых в Африке, напротив, примечательны своей способностью полностью обходить рамку нации-государства[1]. Там, где национальные государства слабы, несостоятельны или устроены таким образом, что процветают больше в условиях беспорядка, чем порядка, многие виды капиталовложений признаются нецелесообразными. Но такие условия не мешают добыче полезных ископаемых. В 1998 году на ежегодном собрании «Panhandle producers and royalty owners association» бывший директор Halliburton (и тогдашний вице-президент США Дик Чейни), отвечая на вопрос о политической нестабильности, сказал: «Нужно идти туда, где есть нефть. Я об этом много не думаю»[2].

В соответствии с мифологией неолиберальной глобализации, предполагалось, что реформы «структурной перестройки» Африки приведут к свертыванию деспотичных и властных («overbearing») государств и освободят пространство для вновь наполненного жизнью «гражданского общества». Результатом должна была стать новая форма «управления», которая будет одновременно более демократичной и эффективной. Вместо этого, лучшие исследования новейшей африканской политики показывают, что уход государства спровоцировал или усилил далеко идущий политический кризис. По мере того, как все больше и больше функций государства отдавались на откуп неправительственным организациям (НПО), возможности государств быстро уменьшились. Джозеф Хэнлон показал, что это едва ли может быть удивительным, поскольку более высокие зарплаты и лучшие условия труда, предлагаемые НПО, быстро сделали недееспособными африканские правительства, переманив из правительственных учреждений всех лучших гражданских служащих[3]. Те же, кто остался, часто получали зарплату ниже прожиточного уровня, что приводило к неизбежным последствиям. Лишенные и дееспособного персонала, и экономических ресурсов, государства быстро стали «опустошенными»

1 По этой причине пространственно-разграниченные формы политического порядка, которые можно обнаружить в экспортирующих полезные ископаемые «слабых государствах» в Африке отличаются от «дифференциального суверенитета» («graduated sovereignty»), которое Онг описывала применительно к Юго-Восточной Азии и под которой она понимает форму правовой плюрализации, инициированной и находящейся под контролем суверенных наций-государств.

2 Fuelling Poverty — Oil, War and Corruption. London: Christian Aid, 2003. P. 1.

3 Hanlon J. An «Ambitious and Extensive Political Agenda»: The Role of NGOs and the Aid Industry // Global Institutions and Local Empowerment: Competing Theoretical Perspectives. New York: St. Martin's Press, 2000.

(в терминах Кристофера Клепэма[1]). Официальные лица тогда создали собственный «план приватизации», который Жан-Франсуа Байар, Стивен Эллис и Беатрис Ибу[2] назвали «криминализацией государства».

Это означало не гомогенизацию внутри национальной схемы, но чаще вовсе отказ от идеи национальных схем, наряду с интенсивной эксплуатацией отдельно администрируемых анклавов. Как я уже показывал в другой работе, этот переход означал, что все активнее распространялась идея, что эффективная добыча полезных ископаемых и массовое насилие в стране могут сосуществовать[3]. В некоторых случаях диапазон развития ситуации был довольно широк: от продолжительных периодов, когда уровень насилия был низок, а нестабильность коротка, до открытой гражданской войны, наряду с впечатляющим расширением роли частных охранных компаний и профессиональных наемников в обеспечении безопасности экономически ценных анклавов континента происходило ослабление эффективной центральной власти на менее ценных территориях[4]. Использование частных охранных компаний стало обычным делом в горной добыче в Африке, а обеспечение безопасности все чаще стало пониматься как «всего лишь еще одна задача, которую они [компании] должны выполнять, наряду с тем, как они обеспечивают себя электричеством или строят собственную инфраструктуру»[5].

На основе недавних исследований фактически вырисовывается картина, в которой можно различить два разных вида управления, применимых к двум разным Африкам, таких, какие различал французский колониализм — полезная Африка (l'Afrique utile) и бесполез-

1 Clapham C. Africa and the International System: The Politics of State Survival. New York: Cambridge University Press, 1996.

2 Bayart J.-F., Ellis S., Hibou B. The Criminalisation of the State in Africa. Bloomington: Indiana University Press, 1999.

3 Ferguson J. Governing Extraction: New Spatializations of Order and Disorder in Neoliberal Africa. In Global Shadows: Essays on Africa in the Neoliberal World Order. Durham, NC: Duke University Press, 2006.

4 Ferguson J. Governing Extraction...; Lock P. Military Downsizing and Growth in the Security Industry in Sub-Saharan Africa // Strategic Analysis. 1998. Vol. 22, № 9. P. 1393–1426; Reno W. How Sovereignty Matters: International Markets and the Political Economy of Local Politics // Weak States. In Intervention and Transnationalism in Africa: Global — Local Networks of Power. New York: Cambridge University Press. 2001. P. 197–215; Singer P. W. Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003.

5 Singer P. W. Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. P. 227.

ная Африка (l'Afrique inutile), как напоминает нам Уильям Рино[1]. Используемая Африка получает охраняемые анклавы — несмежные «полезные» куски, которые контролируются и, в каком-то смысле, управляются частными или псевдочастными («semiprivate») средствами. Эти анклавы все чаще связаны между собой не непрерывной территориальной национальной схемой, но транснациональными сетями, которые избирательно соединяют разрозненные пространства.

Остальное — огромная территория «неиспользуемой Африки» — получается все более и более отстраненной от управления национальными территориями государства, и если на ней нет откровенного бандитизма или власти полевых командиров, то эту форму правления можно назвать, как я однажды это сделал, «транснациональным правительством» (transnational governmentality)[2]. В большинстве случаев, это превращается в управление посредством НПО, часто в виде гуманитарных миссий с мешаниной из транснациональных частных волонтерских организаций, осуществляющих повседневную работу по предоставлению государственных и социальных услуг, особенно на кризисных и конфликтных территориях. Опять же, работа правительства не разворачивается внутри национальной схемы; вместо этого она рассеяна на лоскутном одеяле из включенных в транснациональные сети кусков.

Возможно, наиболее удивительный вывод из недавних исследований Африки касается соотношения проектов Всемирного банка и Международного валютного фонда (МВФ) по политическому реформированию и желанной ими цели по привлечению капитала и достижения экономического роста. Фактом является то, что самые недееспособные, по выражению реформаторов из Всемирного банка и МВФ, страны были одними из наиболее успешных стран, развивающих анклавы на привлеченные средства. Африканские страны с устоявшимся миром, демократией и определенным следованием закону имели очень противоречивые показатели привлечения иностранного капитала. Но страны, которые, в конвенциональных нормативных терминах, «худшие» и «наиболее коррумпированные», даже те, в которых идут гражданские войны, чаще привлекали крупные инвестиции. Как отмечает Уильям Рино, исследование Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) инвестиционных моделей в развивающихся странах показало, что пять крупнейших получателей иностранных инвестиций

1 Reno W. Warlord Politics and African States. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1999.

2 Ferguson J., Gupta A. Spatializing States: Toward an Ethnography of Neoliberal Governmentality // American Ethnologist. 2002. Vol. 29. № 4. P. 981–1002.

в 1994–1996 годах в Африке попали в исследовательскую категорию «наибольшего риска». Этот список возглавили едва ли хорошие образцы управления, такие как: (1) Ангола, (2) Конго-Заир и (3) Экваториальная Гвинея[1]. На самом деле, страны с бушующими гражданскими войнами и, в ряде случаев, откровенно безграмотными («spectacularly illiberal») правительствами показали на удивление хорошие показатели в области экономического роста. Например, Ангола, как ни странно, имела один из самых высоких темпов роста валового внутреннего продукта (ВВП) в разрываемых войной 1980-х; 8,1% ежегодного роста ВВП Судана в 1990-х сделали его лидером континента, несмотря на одну из наиболее жестоких и трудноразрешимых войн на недавней памяти[2].

Такие наблюдения предполагают, что глобальный капитализм ни «забросил» Африку, ни включил ее в грандиозный процесс глобальной гомогенизации и стандартизации. Скорее, капитал «перепрыгивает» через «неиспользуемую Африку», касаясь земли только в богатых полезными ископаемыми анклавах, которые полностью отделены от национальных обществ. Результатом этого является не формирование стандартизированных национальных схем, но возникновение огромных территорий континента, которые находятся «вне схемы». Эти территории действительно, как отметили некоторые теоретики глобализации, во многих отношениях исключены из «глобальной экономики». Но описываемую последними исследованиями ситуацию нельзя назвать «неприметной», как выражается Мануэль Кастельс в характеристике Африки как «черной дыры» информационного общества. Напротив, специфические формы «глобальной» интеграции на континенте сосуществуют со специфическими, но одновременно также «глобальными» формами исключения и маргинализации.

В некоторых отношениях, конечно, эта «глобальная» модель добычи ресурсов не нова: она имеет давнюю историю. В ранний колониальный период именно частные компании и их собственные частные армии (от Конго времен короля Леопольда до Британской южноафриканской компании) были первопроходцами в открытии методов того, как обезопасить добычу полезных ископаемых от со-

1 Reno W. External Relations of Weak States and Stateless Regions in Africa // African Foreign Policies: Power and Process. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2001. P. 187.

2 Цит. по: World Development Indicators. Washington, DC: World Bank, 2002. См. таблицу 4-1, P. 204. Режим доступа: http://www.wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/IW3P/IB/2002/10/12/000094946_0210120412542/Rendered/PDF/multi0page. pdf

временных государственных институтов[1]. Здесь, как и в некоторых других отношениях, национальная экономическая модель в Африке предстает не как преддверие модерна, но как короткий и недоразвитый проект после обретения независимости. Тем не менее, «старая» модель обеспечиваемых частными компаниями, вынесенных за национальные рамки анклавов по добыче полезных ископаемых, кажется, становится все более применимой в современном мире, когда инвестиции в горнодобывающую отрасль в «нестабильных» средах видятся как «точки роста», и использование частных военных и охранных компаний предстает как «передовая» технология пространственного и социального контроля.

Действительно, стоит спросить, может ли африканская комбинация охраняемых частными компаниями анклавов, где идет добыча полезных ископаемых, и плохо управляемых внутренних районов страны составлять не досадно незрелую форму глобализации, но ее достаточно «продвинутую» и изощренную трансформацию. В таком случае, формы «глобальной экономики», которые развились в некоторых богатых полезными ископаемыми африканских странах в последнее время, могут показать не только теоретически интересную аномалию, но также и ужасающий вид политико-экономической модели для некоторых других регионов, в которых сочетаются такие характеристики, как обеспеченность полезными ископаемыми и трудности политического контроля.

Можно задаться вопросом, например, какие виды механизмов управления появятся в новом Ираке. Увидим ли мы возникновение сильного централизованного государства, легитимированного через программы национального «развития»? Или же Ирак будет *развит* (если можно использовать этот термин) по модели, которую можно назвать «ангольской», где нефтяные поля защищены, замкнуты и управляются «глобально», в то время как оставшаяся территория оставлена местному беспорядку или войне, которую удобно свалить на закоренелую, исконную ненависть, безответственных

1 Сами такие исторические прецеденты могут существовать в фантазиях африканского «сердца тьмы» (heart of darkness), которые вдохновляют инвесторов и им подобных наеемников («soldiers of fortune»). Как отмечает Цинг, идея, что «капитализм» сегодня характеризуется неизменным условием «сжатия пространства-времени» разрушается очевидно анахроничным созданием совсем иного типа пространства, свойственного раннему развитию отрасли добычи полезных ископаемых, пространства, которое «будучи далеким от того, чтобы быть миниатюрным и податливым... становится экспансивным, возделываемым и диким, расширяющим свои грязные, малярийные границы» (Tsing A. Inside the Economy of Appearances. In Globalization. Arjun Appadurai, ed. Durham, NC: Duke University Press, 2001. P. 186).

и коррумпированных политических лидеров и так далее, или будет малоэффективно управляться сетями гуманитарных НПО.

Я не претендую на достоверное знание, но специалист по африканской политической экономии с трудом может избежать того, чтобы не отметить некоторые возникающие параллели. Самое очевидное — это повсеместная опора (и частными сторонами, и американским правительством) на «частные военные компании» (ЧВК)[1], такие, как Blackwater, Erinys и Global risk strategies, которые не только охраняют сооружения и частных лиц, но также сопровождают американские конвои через враждебные территории, и часто вовлекаются в серьезные бои с иракскими повстанцами, используя тяжелые виды вооружения и даже (как минимум, в одном случае) частные военные вертолеты[2]. Здесь есть веские экономические мотивы. Как выразился один из участников рынка: «Зачем платить за охрану базы британскому взводу, когда ты можешь нанять гуркхов за малую часть стоимости британцев?»[3]. Эти войска свободны от ограничений обычной военной дисциплины, и более того, согласно указам Временного коалиционного правительства, нанятые частные войска не подчиняются также и иракским законам. Эта нанятая огневая мощь снижает как политические, так и экономические издержки (американские новостные СМИ честно сообщают ежедневное количество убитых американских солдат, но практически не отмечают и не сожалеют о потерях, понесенных фиджийскими, индийскими или иракскими «частными подрядчиками»).

Другая параллель с африканским случаем: главу американской оккупационной администрации Пола Бремера (like many an African «strongman») охраняла не собственная национальная армия, а наемники. То же касается нового американского посла Джона Негрепонте[4]. Даже безопасность самой «Зеленой зоны» (относительно безопасного района Багдада, который является центром американ-

1 В самом деле, знаток Анголы отметил бы, что среди «частных подрядчиков», убитых в последние месяцы, было несколько членов южноафриканских сил безопасности времеен апартеида, один из которых признался в преступлениях во время амнистии, организованной Комиссией по правде и примирению/Комиссией по национальному примирению (Amnesty application to the Truth and reconciliation commission) (Security Companies: Shadow Soldiers in Iraq // New York Times. 2004. April 19, A1, A11.).

2 Security Companies: Shadow Soldiers in Iraq // New York Times. 2004. April 19, A1, A11.

3 The Baghdad Boom // Economist. 2004. March 25. № 370 (8368). P. 55.

4 Security Companies: Shadow Soldiers in Iraq // New York Times. 2004. April 19, A1, A11.

ского военного присутствия) стала предметом тендера для частных охранных фирм[1].

Пожалуй, самое значимое — это то, что одна только комания Erinys сейчас командует 14-тысячной частной армией, охраняющей иракскую нефтяную инфраструктуру[2]. Как Ангола времен войны, Ирак сейчас гордится продолжающейся нефтедобычей в условиях очевидного хаоса и войны. Можно себе представить, что посреди продолжительной гражданской войны частная армия, охраняющая нефтяную инфраструктуру, может стать ~~наи~~более долговечным вкладом в иракский ландшафт, чем американские оккупационные силы или их риторика на тему демократии и строительства национального государства.

В любом случае, если мы хотим продвинуться в понимании этих возникающих форм пространственного порядка и беспорядка, нам придется признать, что их логика — не только логика постоянно расширяющейся гомогенизации и стандартизации. Новые времена несут новые угрозы, а новые угрозы требуют новых инструментов для критического анализа.

Перевод с англ. А. Самодина

Библиография

1. *Bates R. H. Unions, Parties, and Political Development: A Study of Mineworkers in Zambia. New Haven, : Yale University Press, 1971.*
2. *Bates R. H. Rural Responses to Industrialization: A Study of Village Zambia. New Haven, : Yale University Press, 1976.*
3. *Bayart J.-F., Ellis S., Hibou B. The Criminalisation of the State in Africa. Bloomington: Indiana University Press, 1999.*
4. *Castells M. End of Millennium. London: Blackwell, 2000.*
5. *The Scorched Earth: Oil and War in Sudan. London: Christian Aid, 2001.*
6. *Fuelling Poverty — Oil, War and Corruption. London: Christian Aid, 2003.*
7. *Clapham Ch. Africa and the International System: The Politics of State Survival. New York: Cambridge University Press, 1996.*
8. *Daniel Ph. Africanization, Nationalization, and Inequality: Mining Labour and the Copperbelt in Zambian Development. New York: Cambridge University Press, 1979.*
9. *The Baghdad Boom. Economist, 2004. March 25, #370 (8368). P. 55.*
10. *Ferguson J. Expectations of Modernity: Myths and Meanings of Urban Life on the Zambian Copperbelt. Berkeley: University of California Press, 1999.*
11. *Ferguson J. Governing Extraction: New Spatializations of Order and Disorder in Neoliberal Africa // Global Shadows: Essays on Africa in the Neoliberal World Order.*

1 Ibid.

2 The Baghdad Boom // Economist. 2004. March 25. № 370 (8368). P. 55.

Durham, : Duke University Press, 2006.

12. *Ferguson J., Gupta A. Spatializing States: Toward an Ethnography of Neoliberal Governmentality // American Ethnologist. 2002. № 29 (4). P. 981–1002.*
13. *Gary ., Terry L. K. Bottom of the Barrel: Africa's Oil Boom and the Poor. Catholic Relief Services, 2003.*
14. *A Crude Awakening: The Role of the Oil and Banking Industries in Angola's Civil War and the Plunder of State Assets. London: Global Witness, 1999.*
15. *All the President's Men. London: Global Witness, 2002.*
16. *Hanlon J. An «Ambitious and Extensive Political Agenda»: The Role of NGOs and the Aid Industry. In Global Institutions and Local Empowerment: Competing Theoretical Perspectives. Kendall Stiles, ed. New York: St. Martin's Press, 2000.*
17. *Hodges T. Angola from Afro-Stalinism to Petro-Diamond Capitalism. Bloomington: Indiana University Press, 2001.*
18. *The Oil Diagnostic in Angola: An Update. New York: Human Rights Watch, 2001.*
19. *Lock P. Military Downsizing and Growth in the Security Industry in Sub-Saharan Africa // Strategic Analysis. 1998. № 22 (9). P. 1393–1426.*
20. *Security Companies: Shadow Soldiers in Iraq. New York Times. 2004, April 19: A1, A11.*
21. *Ong A. Graduated Sovereignty in Southeast Asia // Theory and Society. 2000. Vol. 17 (4). P. 55–75.*
22. *Peleman J. Mining for Serious Trouble: Jean-Raymond Boulle and His Corporate Empire Project // Mercenaries: An African Security Dilemma. Abdel-Fatau Musah and J. 'Kayode Fayemi, eds. London: Pluto, 2000. P. 155–168.*
23. *Reno W. Warlord Politics and African States. Boulder, : Lynne Rienner, 1999.*
24. *Reno W. External Relations of Weak States and Stateless Regions in Africa // African Foreign Policies: Power and Process. Gilbert M. Kaldiagala and Terrence Lyons, eds. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2001.*
25. *Reno W. How Sovereignty Matters: International Markets and the Political Economy of Local Politics in Weak States // Intervention and Transnationalism in Africa: Global — Local Networks of Power. Thomas M. Callaghy, Ronald Kassimir, and Robert Latham, eds. Pp. 197–215. New York: Cambridge University Press, 2001.*
26. *Scott J. C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven, : Yale University Press, 1976.*
27. *Scott J. C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven, CT: Yale University Press, 1985.*
28. *Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven, : Yale University Press, 1998.*
29. *Singer P. W. Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003.*
30. *Tsing A. Inside the Economy of Appearances. In Globalization. Arjun Appadurai, ed. Durham, NC: Duke University Press, 2001.*
31. *Watts M. J. Antinomies of Community: Some Thoughts on Geography, Resources, and Empire // Transactions of the Institute of British Geographers. 2004. #29 (n. s.). P. 195–216.*
32. *World Development Indicators. Washington, DC: World Bank, 2002.*